

Пролог

Лия

— Прости, — извиняюсь я, буквально впечатываясь в долговязого парня в переполненном коридоре общежития, — не заметила тебя. Я, кажется, окончательно заблудилась.

— Ничего страшного, — произносит долговязый глубоким, чувственным голосом. У парня всклокоченные волосы каштанового оттенка, очки в темной оправе и такие густые усищи, что при ближайшем рассмотрении они кажутся накладными. Хотя кто знает, может, это и так. — Что ищешь? — спрашивает он с неподдельным интересом, потягивая «Слёрпи»* из стаканчика объемом чуть больше полутора литров.

— Э-э-э... — Оглядываюсь по сторонам, затем заговорщически шепчу: — Комнату 209. Но я все время хожу кругами, потому что, кажется, здесь такой комнаты нет.

На его губах играет едва заметная улыбка.

— А, фанатка «Скраббла»**?

— Что? — переспрашиваю я.

Он наклоняется вперед и шепчет:

— Все в порядке. Я тоже член *ТОС*. Комнату 209 еще придется поискать, но на то есть причина.

ТОС = *Тайное общество «Скраббла»*.

Но первое правило *ТОС* — не говорить о нем. По крайней мере, именно так было написано в приглашении, которое я по-

* «Slurpy» — замороженный газированный напиток.

** Настольная игра, в которой от двух до четырех игроков соревнуются в образовании слов с использованием буквенных деревянных квадратиков. В русскоязычной среде известна как «Эрудит».

лучила не далее как вчера вечером. Письмо с приглашением я обнаружила в своей комнате в общежитии. То был плотный конверт, запечатанный кроваво-красной сургучной печатью с символом ТОС. Увидев этот символ, я тут же заперла дверь комнаты, погасила верхний свет и включила настольную лампу. Затаив дыхание, я осторожно вскрыла конверт и, надрезав его по бокам, развернула. На внутренней стороне бумаги красовалась надпись.

ТОС выбрало меня. Мне предлагалось присоединиться к ним сегодня вечером. В течение трех недель мне пришлось пройти жесткий процесс отбора. Я обыграла самых разных, подчас безжалостных членов этой тайной организации в Интернете. После череды поражений, нескольких побед и пары ничьих отборочный процесс подошел к своему логическому завершению, и мне оставалось только ждать. И вот мое время наконец-то настало. У меня в руках приглашение, и все, что в нем сказано, — это явиться в комнату № 209 в общежитии «Пайн» ровно в 10:23 вечера, не задавать вопросов и никому ничего не говорить. Затем мне полагалось постучать по четко определенной схеме и сообщить секретный пароль, чтобы войти.

Но прямо здесь и сейчас я, такая потерянная, растерявшаяся, думаю, что уже нарушаю правила.

К сожалению, время поджимает, а я не знаю, как поступить. Я ведь не хочу опоздать, особенно в первый же вечер. Но я не могу найти комнату, и... этот уса́тый парень, лениво потягивающий «Слёрпи», похоже, знает, о чем говорит.

Но... но что, если это проверка? Что, если он засланец ТОС и я уже провалилась, потому как посмела упомянуть комнату № 209 и «Скрабл» и... *Боже*, я неудачница.

Не зная, как поступить дальше, я раскачиваюсь, перекатываясь с пятки на носок, нервно заламывая руки прямо перед собой, оглядывая толпы людей. Что здесь вообще происходит? Это же коридор общежития, а не кафетерий. Куда направляются все эти люди? Думаю, мне нужно отвязаться от любителя «Слёрпи». Он и так слишком много знает. К тому же мне не хочется ставить под угрозу свое шаткое положение в ТОС. Мне пришлось немало потрудиться, чтобы получить приглашение.

— Знаешь, было приятно поболтать с тобой, но я, пожалуй, пойду поищу комнату самостоятельно. Спасибо.

Развернувшись, направляюсь в темный коридор, но в следующее мгновение незнакомец окликает меня:

— Э-э-э... там точно нет комнаты 209.

Я оглядываюсь через плечо и вижу, как он с улыбкой потягивает свою газировку, внимательно наблюдая за моим раздраженным выражением лица с едва заметной улыбкой на губах.

— Вообще-то я туда и не собиралась, — бросаю я с нарастающим возмущением.

— Да? А мне показалось, что ты направлялась именно туда.

— Решила сбить тебя со следа.

— Прямо сейчас? — заинтересованно спрашивает он, и его улыбка становится шире. — Зачем тебе, собственно, это делать?

Выпрямляюсь, чтобы встретиться с ним взглядом, и поднимаю подбородок, произнося членораздельно:

— Все потому, что с этими чудовищными усами и всклокоченной копной волос ты похож на хищника. Как я могу быть уверена, что ты не попытаешься наброситься на меня?

Его брови резко взлетают вверх, когда он проводит пальцами по своим усам.

— Знаешь, ты третья, кто утверждает, что эти усы мне не идут. Мне казалось, что с ними я выгляжу круто.

Этому парню стоило бы купить зеркало получше.

— Твои усы до омерзения неприятны. Уверена, они способны отбить всякое желание у любой уважающей себя вертихвостки.

Слова слетают с моих губ прежде, чем я успеваю понять, что произнесла их вслух. Неумение фильтровать то, что я говорю, — мой существенный недостаток.

Я вздрагиваю, наблюдая, как его глаза чуть не выскакивают из орбит. *Да, я тоже удивилась, приятель.*

— Эм, я не знаю, почему...

Прежде чем я успеваю сказать ему, что не совсем понимаю, откуда в глубинах моего естества взялось это оскорбление, он хватается за живот, наклоняется вперед и раздражается затычным смехом. Газировка в стакане в его руке от смеха идет волнами.

Ну, по крайней мере, он не обиделся. Это мне на руку. В любом случае, у меня и без того мало времени.

Пройдя мимо него, направляюсь в правую часть коридора, где нахожу дверь без опознавательных знаков. Ранее, осматриваясь, я подумала, что за ней находится кладовка. Но, присмотревшись повнимательнее, я понимаю, что на стене можно различить едва заметные очертания цифр. Может быть... просто может быть... это то, что я ищу.

Едва дыша, чтобы не спугнуть удачу, я трижды стучу в дверь, а затем, как мне и было велено, бью ногой по порогу, как раз в тот момент, когда высокая фигура отбрасывает тень за моей спиной.

— Знаешь, мне еще ни одна девушка не говорила, что я обладаю сверхъестественной способностью мигом отбить всякое желание у похотливых представительниц слабого пола одним видом растительности на своем лице.

Я сдерживаю улыбку.

— Радуйся, что я не имею привычки юлить и лебезить.

Дверь с характерным скрипом приоткрывается, и в поле зрения появляется чей-то глаз.

— Пароль.

— Валла-валла-бинг-бэнг, — отвечаю я, когда парень позади меня наклоняется вперед через плечо.

— Ты пропустила часть с «чинг-чэнг», — замечает он.

— Чего? Нет, не пропустила.

— Он прав, — перебивает мистер Глаз. — Извини, вход воспрещен.

— Подождите, нет! — судорожно выдыхаю я, не давая мистеру Глазу захлопнуть дверь, и вытаскиваю приглашение из кармана: — У меня есть приглашение... эх, то есть...

Фу, глупости, Лия. Ты не должна показывать приглашение.

Но и давать заднюю тоже.

— Вообще-то... — я убираю приглашение обратно в карман и складываю руки на груди, — у меня нет никакого приглашения, и я понятия не имею, куда ведет эта дверь. Я просто знаю, что должна быть здесь в десять двадцать три, и я здесь, поэтому уверена, что вы должны меня впустить.

— Но ты забыла про «чинг-чэнг», — парирует парень с «Слёрпи», посасывая соломинку.

— Не было там никакого «чинг-чэнга», — отвечаю я с досадой. — Там ясно сказано: постучать три раза, ударить ногой по порогу, а потом произнести: «валла-валла-бинг-бэнг». Я знаю это, потому что перечитала... перечитала текст как минимум двадцать семь раз. Так что либо это не та дверь, что, очевидно, неправда, либо вы двое не читали инструкцию, но в таком случае я требую встречи с кем-то, имеющим больший вес в организации.

— Большой вес? — переспрашивает надоедливый парень. — Это типа какой-то профессиональный сленг?

— Стараюсь говорить проще специально для тебя, — отвечаю я с издевкой. — Ну, понимаешь, поскольку у тебя такой вид.

— Какой — такой? — уточняет он.

— Как у человека, у которого недостает пары извилин.

Спишите это на нервозность, или раздражение, или просто на тот факт, что мне сложно все держать в себе, но я просто вывалила свой поток мыслей на них.

К счастью, губы долговязого снова растягиваются в улыбке, и он произносит, вперившись в мистера Глаза:

— Она хороша, парень. Впусти ее.

— Что? — спрашиваю я, настолько сбита с толку, что начинаю раздумывать, стоит ли вообще становиться частью ТОО.

Но тут дверь открывается, открывая моему взору очень просторную комнату, гораздо большую, чем все остальные комнаты общежития — пристанище для всех вещей, которые я так люблю. Справа — приподнятая плоская платформа с письменным столом, под которым располагаются три компьютерных экрана, колонки, массивная клавиатура, а также гигантская мышь и коврик для мыши по всей длине стола... со сценами из «Властелина колец». На бежевых стенах разве-

шаны постеры, флаги и арты в рамках из «Звездных войн». На комодке лежат настольные игры, а большая желто-голубая модель самолета подвешена к потолку. Слева — диван-фuton с журнальным столиком и ящиками вместо стульев с подушками. Посередине — доска для игры в «Скрабл» на поворотном столе причудливого вида.

В этой комнате я с легкостью могла бы провести часок-другой за исследованием здешних сокровищ.

На книжной полке стоит собрание книг о Гарри Поттере — и, похоже, это оригинальное издание. У меня слюнки текут.

Над диваном висит плакат в рамке с изображением Адама Уэста в роли Бэтмена: Адам стоит в полный рост, а прямо за ним — изображение его типичного жеста в комических деталях.

А под маленьким телевизором на хлипкой подставке под телевизор стоит, похоже, оригинальная игровая приставка *Atari**. Если у владельца этой берлоги где-то случайно завалась игрушка *Pitfall*** , мы станем лучшими друзьями на всю жизнь.

— Ух ты, комната прям отпад! — восхищенно выдыхаю я. Фантастический декор весьма импонирует моей эксцентричной натуре. А четко выверенная организация пространства, начиная с папок с ярлыками на книжной полке рядом с письменным столом и заканчивая стопками обуви на обувной полке, — поразительный уровень гиперстранности.

— Благодарю, — бросает парень с газировкой. — Она моя. И я тут человек, имеющий больший вес, как ты выразилась. — Он протягивает мне руку. — Меня зовут Брейкер Кейн. Приятно с тобой познакомиться. Может быть, если ты будешь проводить с нами чуть больше времени, ты сможешь опуститься до моего уровня интеллекта или его «недостатка», если уж переходить на личности.

* Игровая приставка, разработанная и выпускавшаяся американской компанией *Atari*.

** Видеоигра жанра платформер, разработанная и изданная в 1982 году компанией *Activision* под приставку *Atari 2600*.

При этих его словах у меня резко пересыхает во рту и краснеют мочки ушей, а на верхней губе проступают капельки пота.

Хорошая работа, Лия. Настолько хорошая, что просто нет слов.

— Э-э-э, да... Я не хотела...

— Нет-нет. Не стоит оправдываться. — Он поднимает руки в знак капитуляции. — Мне нравится твоя грубовато-нагловатая прямолинейность. Она прямо-таки заставила меня почувствовать себя по-настоящему живым. — Парень дерзко подмигивает мне.

— Ох, в таком случае... Хорошо. — Прочищаю горло. — Несмотря на то, что твоя комната явно представляет собой рай для кладоискателя, тебе стоило бы больше внимания уделять качеству заправленности кровати, а фото Рори Гилмор* в рамке стоит криво. Кроме того, тебе бы не помешало избавиться от усов. Они просто ужасны.

Он усмехается и кивает, перебирая пальцами буйную растительность у себя под носом.

— Все еще пытаюсь научиться заправлять кровать как в больнице. Конечно, если у тебя есть опыт в этом деле, прошу поделиться самоучителем. В комнате через стенку с моей музыка порой играет настолько громко, что фото с Рори «пританцовывает» в такт, отчего очень часто начинает коситься. Мне пришлось прекратить попытки выровнять его. А что касается усов, я уже говорил, что думал, будто они смотрятся как минимум круто. Но, похоже, мне все врут.

— Так и есть.

— Но ты, видимо, не способна врать... потому что не можешь отказаться от желания высказать то, что у тебя на уме.

— Зависит от обстоятельств и того, кто передо мной. — Взираю на него сверху вниз. — Ты показался мне достаточно крепким парнем, способным справиться с неприкрытой правдой и стрессовой ситуацией — ты знал, где нужная мне комната, и едва не нарушил все правила, раскрыв ее местоположение. Я помогла тебе остаться в рамках.

* Вымышленный персонаж телесериала WB/CW «Девочки Гилмор» в исполнении Алексис Бледел.

— Ну, это может означать только одно.

Обескураженно спрашиваю:

— Что именно?

— Что нам не остается ничего другого, кроме как стать величайшими друзьями всех времен.

Я ухмыляюсь.

— Только если ты сбреешь усы.

— Эх, а вот этот вопрос нам стоит обсудить поподробнее. — Он покачивается на пятках и продолжает: — Учитывая, что ты единственный новичок в Тайном обществе Скраббла, ты, должно быть, Офелия Фэйрвезер-Ферн.

— Да, это я. Но зови меня просто Лия. В моем полном имени слишком много слогов; никто в здравом уме не будет использовать его в повседневной жизни. И это я молчу про мое первое имя.

Он хихикает.

— Твое имя во время проведения отборочных сыграло тебе в плюс. Но твоя исключительная способность находить слова, о которых мы слыхом не слыхивали, стало истинной причиной, по которой выбор пал именно на тебя, особенно учитывая, что мы играем по таймеру.

— Именно сей факт стал для меня дополнительным вызовом, который я оценила по достоинству. Хотя таймер меня сначала напугал и мне потребовалась секунда, чтобы привыкнуть к нему. Меня впечатлило это и еще невозможность видеть новые буквы или игровую доску до начала хода. Но мне было очень весело. Я рада, что меня выбрали.

— Это был нетрудный выбор. — Он опускает стаканчик со «Слерпи». — Народ, это Лия. Лия, это Харли, Джаром, Кристина и Имани. — Сидящие за журнальным столиком, не вставая, поднимают руки в приветственном жесте, а затем возвращаются к игровой доске. — Да, они не очень-то словоохотливы.

— Что ж, хорошо, что я пришла сюда не для общения. — Я потираю руки. — Я пришла играть.

Брейкер хихикает, а затем снова тянется за своим «Слерпи».

— Тогда чего мы ждем? Играем.

* * *

Я смотрю на Брейкера, а затем перевожу взгляд на два последних квадратика с моей стороны.

У него остался один. Комната опустела.

Остальные члены ТОС уже ушли, сославшись на то, что им завтра рано вставать.

— Твой ход, — указывает он, нарочито проводя пальцем по усам. Я вела всю игру, пока примерно три хода назад он каким-то образом не вытащил слово на восемьдесят очков, полностью обнулив мое преимущество.

— Знаю, что мой.

— Правда? А то ты сидишь в ступоре уже как минимум минут пять.

— Хочу удостовериться, что сделаю верный ход.

— Или хоть какой-нибудь. — Он откидывается на спинку дивана с самодовольным выражением лица.

— У меня *имеется* ход в запасе.

— Тот, что вряд ли принесет тебе победу в этой игре, верно? — давит он. Он знает, что уже победил. Это видно по его самоуверенному настрою.

— Знаешь, злорадствовать невежливо.

— И это говорит девушка, которая всего несколько минут назад буквально отбивала чечетку, полагая, что у нее имелось огромное преимущество передо мной.

Я медленно поднимаю на него глаза и бесстрастным голосом говорю:

— Тебя удовлетворит, если я скажу, что могу дать, но не могу взять?

Он сдержанно хихикает, когда я неохотно ставлю букву «Ы» после «М», чтобы заработать жалкие пять очков.

— Хороший ход. — Он смотрит на свою единственную плитку, а затем резко поднимает ее, только чтобы добавить оставшуюся букву к слову «Ура», что автоматически дает ему тридцать одно очко. — Но недостаточно хороший. — Он снова откидывается назад и кладет ногу на ногу. — Я выиграл.

Издаю страдальческий стон, после чего падаю спиной на пол. Глядя на его модель самолета, я говорю:

— Я почти сделала тебя.

— Никогда не начинай праздновать слишком рано. Никогда не знаешь, что может случиться в конце игры в «Скраббл».

— Кстати, это дешевый ход — придерживать букву «А» про запас до самого конца игры.

— Откуда тебе знать, что я придерживаю именно ее?

— Потому что видела какое-то время назад, как ты отложил плитку с ней в сторону.

— Только не говори мне, что ты относишься к игрокам, которые... ну, знаешь... тем, кто следит за буквами и знает, какая может оказаться у каждого из игроков.

— Не до такой степени, но я видела, как ты придерживал ее и не трогал до сих пор. Ты ведь зажал ее не без причины.

— Когда ты отстаешь на восемьдесят очков, нужно действовать согласно стратегии, что я и делал. Зато не стыдно признать, что я играл в игру.

— Мне неприятно это признавать, поскольку ты выиграл, но это была хорошая игра. Мне понравился вызов.

— Это была хорошая игра. Ты отлично впишешься в коллектив. — Он начинает поднимать доску, а я встаю со своего места, чтобы помочь. — В твоей заявке сказано, что твоя специализация — исследования и статистика. Чем планируешь заниматься после колледжа?

— Получу степень магистра, а затем стану научным сотрудником какого-нибудь ведомства.

Он замолкает.

— Крайне необычно, — протягивает Брейкер. — И это явно не та работа, которую можно указать в списке при ответе на вопрос, кем ты хочешь стать, когда вырастешь.

— Верно, но мне всегда нравилось проводить исследования. В детстве я обожала заполнять всякие опросники. Я тратила неприлично много времени на анкеты, которые тогда попадались моим родителям. Мне нравилась сама идея того, что кто-то может обратить внимание на мои мысли и собрать информацию, чтобы что-то изменить. И конечно, я сама составляла опросники, писала их от руки на линованной бумаге и раздавала их всем присутствующим на семейных ужинах и обедах, чтобы узнать, всем ли они довольны. Затем я составляла сво-

дный отчет и рассылала письма по итогам года, демонстрируя, в какой сфере мы преуспели, а где стоило бы поднапрячься.

Брейкер ухмыляется.

— И тебе довелось узнать что-нибудь конструктивное из этих семейных опросов?

— Ага. — Я киваю, передавая ему несколько оставшихся квадратиков. — Иногда мой дядя Стив снимал штаны после ужина и крутил невидимый обруч, взобравшись на недавно убранный обеденный стол, *что никому не нравилось*. Я постаралась достучаться до членов семьи и дяди Стива, но, к сожалению, не смогла повлиять на их поведение. Я могла только наблюдать за тем, что стоит изменить, но перемены всегда происходят изнутри.

— Дядя Стив, похоже, хорошо проводил время.

— И он носил усы... В семье все называют его извращугой. Так что да, возможно, вы двое отлично поладили бы.

— Да, только я вовсе не извращенец, — говорит Брейкер, собирая игру.

— Это нам еще предстоит выяснить.

— Мы с тобой это можем быстро выяснить, потому что, уверяю, я не извращенец. — Он откладывает настольную игру в сторону и откидывается на спинку своего дивана-футона, а я перемещаю вес своего тела на руки, скрещенные у меня за спиной.

Наверное, мне стоит уйти. Все остальные уже покинули комнату, но по какой-то причине я чувствую себя здесь комфортно и пока не хочу уходить.

— Если ты хочешь.

Он дотрагивается до своего носа, затем тычет в меня пальцем:

— Полагаю, ты хотела сказать «как пожелаешь».

— О, у нас тут еще один фанат «*Принцессы-невесты*», да?

— А как тут не фанатеть? Месть, мечи, сказки о былых временах. Там есть все что нужно. Не говоря уже о... Фреде Сэвидже*.

* Американский актер и режиссер, наиболее известный по роли Кевина Арнольда в телесериале «Чудесные годы».